

ТИИТ-РЕЙН ВИЙТСО (Таллин).

МОРОСЧИТАЮЩИЙ ЛИ ЯЗЫК ЭСТОНСКИЙ?

В последние годы высказываются мнения о том, что эстонский язык является моросчитающим или находится на стадии перехода от моросчитающего к слогосчитающему. В определенной степени такие заявления обусловлены лингвистической модой: после появления метрической теории М. Либермана и А. Принса (Liberman, Prince 1977), чему предшествовал определенный инкубационный период в виде неопубликованных работ, исследователи активно ищут языки, в которых ударение зависит от мор или «от геометрий и маркировки метрических деревьев». Эстонский язык в этом отношении изучают М. Хинт (Hint 1978; 1980) и А. Принс (Prince 1980).

1. Согласно М. Хинту, эстонский язык переживает переход от моросчитающего к слогосчитающему. Он был моросчитающим (т. е. длинный слог читался как равный двум морам или двум коротким слогам) уже во время апокопы и синкопы (в XIII столетии): апокопа произошла в открытом конечном слоге, если тому предшествовали две или более моры, т. е. длинный начальный слог или два коротких слога или длинный + короткий слоги. Аналогично синкопа произошла в открытом неконечном слоге, если тому предшествовали две моры. После синкопы и апокопы язык остался моросчитающим при том изменении, что длинный (двухморный) читается только слог в Q3 (Q — длительность, дистинктивное количество, степень долготы; об эстонских длительностях см., напр., Вийтсо 1979а), а слоги в Q1 и Q2 читаются одноморными (ср. Hint 1978; 1980 : 215—217).

То что эстонский язык (во всяком случае его северные диалекты, послужившие основой литературного языка) относится к слогосчитающим, явно уже из общей модели ударения слов с двумя или более слогами; но без определенных словообразующих суффиксов, являющихся (по крайней мере в сильной ступени) ударными:

$$P(U)(AU)_{0}^{6} \left\{ \begin{matrix} U_{0}^{1} \\ A_{0}^{1} \end{matrix} \right\}$$

где P — слог с главным ударением, A — слог с автоматическим, морфологически не обусловленным второстепенным ударением, U — безударный слог, нижний индекс обозначает минимальное, верхний — максимальное или единственно возможное число соответствующего типа в данной позиции; скобки () заключают сложные компоненты, скобки {} — альтернативные компоненты. Кроме того, имеется тенденция к устранению маркированных, т. е. обусловленных морфологической структурой, моделей ударения по образцу общей модели ударения, см. Вийтсо 1979б : 139—140.

Хинт, естественно, ищет свидетельства наличия моросчитающего типа не в общих, немаркированных моделях ударения, а в словоизменительных парадигмах. Им представлены два типа переходов, которые якобы вызваны изменением просодического типа современного эстонского языка. Прежде чем проверить моросчитающий характер синкопы и апокопы, целесообразно познакомиться с предполагаемыми следами морочтения в современном языке.

1.1. Первый пример моросчитающих парадигм, по Хинту, составляют парадигмы основ с участвующим в чередовании ступеней суффиксом *-ik* (слова и суффиксы, представленные в орфографии, пишутся обычным шрифтом) после односложного корня:

o·htli:k : *o·htli:kku* : *o·htli:kku* : *o·htli:kku*de 'опасный'

mā·sti:k : *mā·sti:kku* : *mā·sti:kku* : *mā·sti:kku*de 'ландшафт'

в ном. ед., ген. ед., парт. ед. и ген. мн. Причем слоги в Q3, в данном случае начальные ударные слоги и слоги с второстепенным ударением, имеющие полудолгий согласный после гласного, читаются двухморными, остальные одноморными.

Следует заметить, что второстепенное ударение на втором слоге в формах ном. ед. и ген. ед. обозначено согласно правилам школьных грамматик. В рецензии на монографию Хинта об эстонском ударении (Hint 1973) я показал, что положения школьных грамматик, принятые и Хинтом, не соответствуют действительности в североэстонских диалектах, легших в основу литературного языка: там в результате замены маркированных моделей немаркированными в формах ном. ед. и ген. ед. встречаются формы без второстепенного ударения на втором слоге (ср. Viitso 1975 : 218—219, а также Вийтсо 1979б : 139—140, 148—149 и Eek 1975 : 17). Вообще второстепенное ударение в ген. ед. рассматриваемого типа в эстонском языке крайне редко, но существует. Так, во всяком случае в северных сетуских говорах вырусского диалекта южноэстонского наречия рассматриваемый тип распался на два подтипа. В первом подтипе формы ген. ед. не имеют второстепенного ударения, но формы ген. мн., относящиеся, как и формы ген. ед., к слабой ступени, имеют:

tü·tri:k *tü·trigu* *tü·tri:kku* *tü·tri:kka* 'девушка'.

Во втором подтипе все формы слабой ступени имеют второстепенное ударение:

mē·tsni:k *mē·tsni:kku* *mē·tsni:kku* *mē·tsni:kka* 'лесник'.

Второй подтип похож на основы с суффиксом *-ik*, имеющие автоматическое второстепенное ударение на третьем слоге:

ü·märi:k *ü·märi:kku* *ü·märi:kku* *ü·märi:kka* 'круглый'.

Однако несмотря на отсутствие второстепенного ударения в некоторых североэстонских формах, образованные по правилам школьных грамматик формы можно считать допустимыми в том смысле, что они не очень давно представляли собой еще реальность, а значит, отражают исходное состояние для процессов, которые, по мнению Хинта, связаны с переходом от моросчитающего языка к слогосчитающему.

1.1.1. Необходимо также отметить, что Хинт, говоря о морах, не говорит прямо об ударениях. Но он явно предполагает, что речевые такты (*stress groups*, *Sprechtakte*) как в моросчитающей системе, так и в слогосчитающей системе начинаются с ударного слога. Иначе не имело бы смысла его утверждение (Hint 1978 : 42), что «речевые такты в новой системе сбалансированы в терминах слогов, а в прежней системе были сбалансированы в терминах мор»:

в прежней системе	<i>maa's-ti`k-kude</i> <i>kom`p-ve`k-kide</i>	(2+2+2 моры)
в новой системе	<i>maa`sti(k)-kute</i> <i>kom`pve(k)-kite</i>	(2+2 слога)».

Здесь *maastikkude* ~ *maastikute* 'ландшафт (ген. мн.)' и *kompvekkide* ~ *komprvekite* 'конфета (ген. мн.)'. Хинт игнорирует фонологическую и фонетическую транскрипцию, пользуясь орфографией и грависом для обозначения Q3. Получается, что гравис в «прежней системе» равен одной море; не известно, правда, согласится ли Хинт с таким следствием.

1.1.2. Если обратиться к речевым тактам «прежней системы», то формы типа *maa's-ti`k-kude* должны были иметь три ударных слога: **mā-sti.ĥku:de*. Но если предпоследний слог в ген. мн. был ударным, то окончанием не могло служить *-de*! По примеру *ma-dala:ĥte* 'низкий (ген. мн.)', *i-meli:sema:ĥte* 'более чудный (ген. мн.)' и т. д. видно, что в тех северноэстонских диалектах, которые легли в основу литературного языка, после гласного слога с второстепенным ударением окончанием ген. мн. всегда является *-ĥte*. Хотя окончание *-ĥte* в эту позицию обобщилось путем аналогии из **ek*-основ (см. Kettunen 1962 : 66, Kask 1972 : 42, Rätsep 1977 : 45), такое обобщение не могло миновать слов с суффиксом *-ik* (< **ikko*). Трудно представить и возможность спасения «прежней системы» путем исправления «прежней» формы: из **mā-sti.ĥku:ĥte* (в орфографии Хинта **maa's-t'ik-kute*) невозможно получить не только реальную форму *mā-sti.ĥkude* (2+4 моры!), но и постулируемую Хинтом *maa's-t'ik-kude*.

1.1.3. С «прежней системой», по-видимому, не согласуются и трехсложные формы ген. мн. двухсложных основ с длинным первым и открытым вторым слогами. Напр. форма *o-ĥtude* 'опасность (ген. мн.)' должна бы быть сбалансирована: 2+2 моры, т. е. **o-ĥtu:de*, что опять крайне сомнительно из-за окончания *-de*. Постулировать **o-ĥtu:ĥte* (2+2 моры) вместо **o-ĥtu:de* нельзя, так как она должна была сохраниться в виде **o-ĥtutte* до наших дней, ср. *e-ĥtutte* 'вечер (ген. мн.)' из основы *e-ĥtu* (<< **e-ktako*). Реальное число мор (4) в *o-ĥtude* опровергает теорию о моросчитающем типе эстонского языка. Правда, эту теорию можно принять, если предположить, что форма **o-ĥtu:de* изменилась в *o-ĥtude* еще до возникновения аналогичного окончания ген. мн. *-ĥte*.

1.2. Второй тип парадигм, отражающих моросчитающую систему, представляют, по М. Хинту, *ne*- и *s*-слова. Форма парт. мн. образуется агглютинативно прибавлением окончания *-id*, если длина основы три моры (т. е. в трехсложных основах в Q1 или Q2 и в двухсложных основах в Q3) или 2+3 моры (пятисложные основы), и заменой конечного гласного основы *e* → *i*, если длина основы четыре моры считая с главного ударения (в трехсложных основах в Q3 и в четырехсложных основах) или с первого слога суффикса *-likkus(e)* (всегда в Q3), ср. Hint 1980 : 219. (Заметим, что все время имеется в виду длина основы в ген. ед.) Однако Хинт считает возможным читать моры и начиная с второстепенного ударения (ср. Hint 1980 : 220). Тогда окончание *-id* прибавляется к трехморному такту, а замена *e* → *i* происходит в двухморном такте. Ниже представим примеры (А) на *-id* после трехморного такта и (Б) на (исторически нереальную) замену *e* → *i* в двухморном такте; подтипы а — д в обеих группах мон, причем не все примеры тождественны примерам Хинта. Представлены формы ген. ед., парт. мн. и ном. ед.

A. а)	<i>va·reše</i>	<i>va·rešeid</i>	<i>va·res</i>	'ворона'
	<i>pu·nase</i>	<i>pu·naseid</i>	<i>pu·nane</i>	'красный'
б)	<i>te·ðse</i>	<i>te·ðšeid</i>	<i>te·ðš</i>	'произведение'
	<i>va·èse</i>	<i>va·èšeid</i>	<i>va·ène</i>	'бедный'
в)	<i>jä·ise</i>	<i>jä·iseid</i>	<i>jä·ine</i>	'ледяной'
г)	<i>va·štasti·kkuse</i>	<i>va·štasti·kkuseid</i>	<i>va·štasti·kkune</i>	'взаимный'
Б. а)	<i>ha·řjuttu·se</i>	<i>ha·řjütü·si</i>	<i>ha·řjuttus</i>	'упражнение'
	<i>ve·nela·se</i>	<i>ve·nela·si</i>	<i>ve·nela·ne</i>	'русский'
б)	<i>tõ·li·se</i>	<i>tõ·li·si</i>	<i>tõ·li·ne</i>	'рабочий'
	<i>ke·škmi·se</i>	<i>ke·škmi·si</i>	<i>ke·škmi·ne</i>	'средний'
в)	<i>ü·ldi·se</i>	<i>ü·ldi·si</i>	<i>ü·ldi·ne</i>	'общий'
	<i>ra·šku·se</i>	<i>ra·šku·si</i>	<i>ra·škus</i>	'трудность'
г)	<i>mü·lli·kku·se</i>	<i>mü·lli·kku·si</i>	<i>mü·lli·kkus</i>	'изменчивость'
	<i>ju·husli·kku·se</i>	<i>ju·husli·kku·si</i>	<i>ju·husli·kkus</i>	'случайность'
д)	<i>te·ise</i>	<i>te·isi</i>	<i>te·ine</i>	'другой'
	<i>na·ise</i>	<i>na·isi</i>	<i>na·ine</i>	'женщина'

Второстепенное ударение в подтипах Бв и Бг на предпоследнем слоге «архаизировано», как и в 1.1, однако в такой позиции этого не требуют грамматики. В подтипе Бб второстепенное ударение, в зависимости от говорящего, может быть реальным.

Хинт считает, что в *te·isi* и *na·isi* (подтип Бд) Q3 является исключением (Hint 1980 : 220). Однако исторически Q3 в этих формах вполне закономерна, так как второй слог всегда был открытым, ср. напр. **na·isita* > **na·isiša* >> **na·isiša* > *na·isi*. Исторически обусловленная Q3 закономерна и в синхронном плане: двухсложные формы парт. мн. с длинным первым слогом никак не могут не иметь Q3 (если не учитывать Q4, которая отсутствует в диалекте Хинта, и отличие которой от Q3 вообще плохо воспринимается)! Более того, до 1953 г. подтип Ав, а, следовательно, все первоначально двухсложные слова на *-ine* нормативно принадлежали только к подтипу Бд, и только с 1961 г. подтип Ав полностью отделен от Бд. Это значит, что Q3 в формах парт. мн. обусловлена исторически, а также «по правилу», но окончание в любом случае в современных двухсложных основах зависит от типа парадигмы: слова подтипа Ав в рамках подтипа Бд стали нечередующимися — обобщилась Q3 из формы парт. мн., и по аналогии с подтипом Аб обобщилась парт. мн. на *-eid*. А подтип Аб образуют, прежде всего, бывшие трехсложные основы. Отделение подтипа Ав от Бд можно рассматривать и в более широком плане. В северноэстонских диалектах наблюдается тенденция исчезновения чередования ступеней в прилагательных с двухсложной основой, оканчивающейся в ном. ед. на *-e*, ср. напр. формы ген. ед., парт. мн., ном. ед. и парт. ед.:

	<i>ka·ine</i>	<i>ka·ineid</i>	<i>ka·ine</i>	<i>ka·ineš</i>	'трезвый'
вместо	<i>ka·ine</i>	<i>ka·ineid</i>	<i>ka·ine</i>	<i>ka·ineš</i>	
от	<i>*ka·inehen</i>	<i>*ka·inehi:ta</i>	<i>*ka·ineh</i>	<i>*ka·inehta</i>	

по аналогии с нечередующимися т. н. **etü*-прилагательными, ср.

	<i>ke·rge</i>	<i>ke·rgeid</i>	<i>ke·rge</i>	<i>ke·rgeš</i>	'легкий'
от	<i>*ke·rketän</i>	<i>*ke·rketä:itü</i>	<i>*ke·rketü</i>	<i>*ke·rketä:tü</i>	

Подтип Ав представляет собой, по всей вероятности, частный результат такого упрощения изменения прилагательных основ. Пока редкие отклонения, напр. ген. мн. *jä·isette* вместо нормативного и обычного *jä·iste*,

позволяют предсказать, что упрощение подтипа Ав, а также Аб-продолжается, так что в будущем ожидается

jä-ise *jä-iseid* *jä-ine* **jä-iset* 'ледяной'
вместо *jä-ise* *jä-iseid* *jä-ine* *jä-ist*.

Прецеденты уже имеются среди *ne*-слов с первоначально трехсложной основой, ср.

ve-рдse *ve-рдseid* *ve-рдne* *ve-рдset* 'равный'
от **ve-rtaisen* **ve-rtais(e)i:ta* **ve-rtainen* **ve-rtaista*.

В то же время в склонении двух существительных подтипа Бд изменения не ожидаются, так как соотношение форм ген. ед. (Q2, -e), парт. мн. (Q3, -i) и парт. ед. (Q3, -t), ср.

na-йse *na-йsi* *na-йst* 'женщина'

поддерживается рядом парадигм часто встречающихся имен, ср. напр.

põ-le *põ-li* *põ-lt* 'половина'
nõ-re *nõ-ri* *nõ-rt* 'молодой'.

1.2.1. Хинт стремился сформулировать алгоритм образования формы партитива для «прежней» или, по его словам, традиционной системы и для новой, современной системы (Hint 1980 : 273). В современной системе длительность, точнее, Q3 = 2 моры, больше не учитывается, а учитывается только число слогов и отдельно наличие двухсложных суффиксов -line, -lane, -mine, -kene:

1) число слогов

три не-три

2) длительность число слогов

Q3 не Q3 два четыре

3) -*si* -*seid* -*seid* -*si*
Ббвг Ааг Абв Ба

1) наличие суффиксов -line и т. д.

да нет

2) *si* число слогов

Бб четыре не-четыре

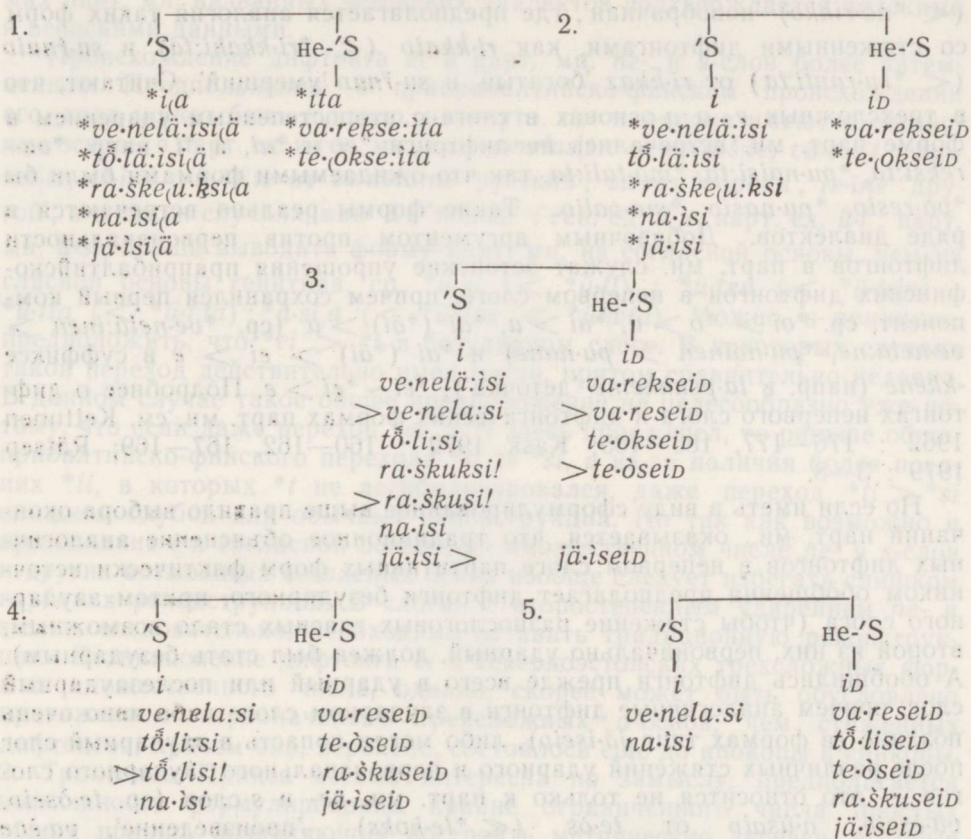
3) -*si* -*seid*
Ба Аабвг, Бв

Хинт находит, что в современном алгоритме число узлов разбора меньше и рабочий цикл для слов с двухсложными суффиксами короче. Кроме того, ожидается дальнейшее упрощение правила присвоения окончаний: со временем все слова получают окончание в зависимости от числа слогов основы (т. е., кроме подтипа Бв, трехсложные основы подтипа Бб тоже получат окончание парт. мн. -*id*).

Хотя сравнение алгоритмов как таковых (представленные здесь алгоритмы существенно не отличаются от оригинальных) верно, и прогноз Хинта даже подтверждается фактами, явно, что и традиционный алгоритм не имеет места для подтипа Бд («исключения!»). Следовательно, должен найтись еще один исходный алгоритм без исключений. А кроме того, эти алгоритмы очень сложны. Таким образом надо искать более простые алгоритмы, и если они найдутся, они и будут реальными.

1.2.2. В поисках более простого способа присваивания окончания парт. мн. целесообразно учитывать, что в эстонском языке существенно деление слогов на короткие и длинные, причем короткие неконечные слоги оканчиваются только на краткий монофтонг. Слог в эстонском языке может быть маркирован одним из двух акцентов: легким /' / и тяжелым /' /'. Акценты соединяют в себе ударение, распределение длительности, тоны, интенсивность. Легкий акцент может сопровождаться коротким или длинным слогом, тяжелый только длинным слогом (т. е. вызы-

вает Q3), так что акценты могут противопоставляться в длинных словах. (Кроме того, в зависимости от диалекта (и даже идиолекта), может встречаться еще свертхтяжелый акцент, который обычно отождествляется с тяжелым). Об акцентах и связанных с ними явлениях см. Вийтсо 1979а, б и Viitso 1981. Итак, если 'S — слог с легким акцентом, то можно найти общее и притом простое правило выбора окончания парт. мн. ч., которое действовало уже до апокопы и продолжает действовать: окончание зависит от того, предшествует ли суффиксальному слогу -se в ген. ед. ч. 'S или нет. Что в течение времени изменилось — это фонологическая структура суффиксов и основ. Можно, точнее, достаточно различать пять этапов эволюции выбора окончаний.

Этапы 3—5, в зависимости от говорящего, все реальны, причем этап 5 — целевой. Восклицательным знаком оформлены исключения, т. е. примеры типов, формы парт. мн. которых не образуются больше из формы ген. ед. из-за упрощения модели ударения. В принципе судьба таких исключений может быть тройкой: а) исключения с большой частотностью остаются исключениями, если они не способны притягивать другие формы тех же парадигм (напр. из-за большой частотности последних) или все такие же формы других парадигм с теми же свойствами, б) притяжение исключений с большой частотностью ведет к изменению правил, в) исключения подлежат притягиванию со стороны более частотных регулярных форм и постепенно устраняются. Именно последнее явление обнаруживается в рассматриваемом случае.

1.2.3. Представленное правило выбора окончания существенно проще алгоритмов Хинта. Кроме того, все изменения теперь оказываются внутренне мотивированными, а не вызванными внешней причиной — из-

менением просодического типа. При этом Q3 и число мор оказываются ненужными.

1.2.4. Представленное правило заставляет пересмотреть объяснение возникновения двух типов окончаний парт. мн. в *ne-* и *s-* словах.

Принято объяснять дифтонговые окончания парт. мн. аналогией форм со стяженными дифтонгами, как *ki-ŗveid* (< **ki-roehi:tä*), *hõ-neid* (< **hõ-nehi:ta*), *me-ŗteid* (< **me-ŗteki:ta*), *se-ŗoelid* (< **se-lketi:tä*) от *ki-ŗvez* 'топор', *hõne* 'здание', *me-ŗte* 'мысль', *se-ŗoe* 'ясный'. Это относится также к парт. мн. первоначально трехсложных *a-* и *u-* основ, ср. *ma-dalaid*, *nõ-ŗikkuid* от *ma-dal* (< **ma-tala*) 'низкий' и *nõ-ŗik* (< **nõ-ŗikko*) 'новобрачная', где предполагается аналогия таких форм со стяженными дифтонгами, как *ri-ŗkkaid* (< **ri-ŗkahi:ta*) и *su-ŗnuid* (< **su-ŗnuü:ta*) от *ri-ŗkkaz* 'богатый' и *su-ŗnud* 'умерший'. Считают, что в трехсложных *e-* и *a-* основах в слоге с второстепенным ударением в форме парт. мн. встречались не дифтонги **ei* и **ai*, а **i*, напр. **va-ŗeksi:ta*, **pu-naisi:ta*, **ma-tali:ta*, так что ожидаемыми формами были бы **va-ŗesid*, **pu-nasid*, **ma-dalid*. Такие формы реально встречаются в ряде диалектов. Добавочным аргументом против первоначальности дифтонгов в парт. мн. служат эстонские упрощения праприбалтийско-финских дифтонгов в первом слоге, причем сохранился первый компонент, ср. **oi* > **o* > *u*, **ui* > *u*, **ai* (**äi*) > *a* (ср. **ve-nelä:inen* > *ve-nela:ne*, **pu-nainen* > *pu-nane*) и **ai* (**äi*) > *ei* > *e* в суффиксе *-kkene* (напр. в *la-ŗsukke:ne* 'деточка'), **ei* ~ **ei* > *e*. Подробнее о дифтонгах первого слога и дифтонгических формах парт. мн. см. Kettunen 1962 : 176—177, 183—185; Kask 1972 : 160—162, 167—169; Rätsep 1979 : 3—8.

Но если иметь в виду сформулированное выше правило выбора окончаний парт. мн., оказывается, что традиционное объяснение аналогичных дифтонгов в первом слоге партитивных форм фактически источником обобщения предполагает дифтонги безударного, притом заударного слога (чтобы стяжение разнослоговых гласных стало возможным, второй из них, первоначально ударный, должен был стать безударным). А обобщились дифтонги прежде всего в ударный или послезаударный слог, причем аналогичные дифтонги в заударном слоге либо явно очень поздние (в формах типа *jä-ŗseid*), либо могли попасть в заударный слог после различных стяжений ударного и первоначально заударного слогов — это относится не только к парт. мн. *ne-* и *s-* слов (ср. *te-ŗseid*, *va-ŗseid*, *a-ŗsaid* от *te-ŗs* (<< **te-koks*) 'произведение', *va-ŗe* (<< **va-ŗvainen*) 'бедный', *a-ŗs* (<< **a-ŗvoisa*) 'честный'). В последних случаях, правда, невозможно доказать, что стяжение гласных ударного и заударного слогов не произошло уже до обобщения дифтонга в форму парт. мн.

В любом случае традиционное объяснение натянуто. Более того, нет сомнения, что в *a-* основах когда-то в праприбалтийско-финском языке признаку множественного числа *i* предшествовал **a* или **ä* в зависимости от гармонии гласных. По-видимому, правильно считают, что в заударном слоге еще в праприбалтийско-финском **äi* > *ei*, а **ai* > **ei*, если в первом слоге был лабиальный гласный (**u* или **o*), и **ai* > **oi*, если в первом слоге был нелабиальный гласный (ср. Laanest 1975 : 72). Но то, что **ai* (**äi*) во многих диалектах в слоге с второстепенным ударением партитивных и других множественных форм упростился в *i* и в ряде диалектов эстонского языка в слоге с второстепенным ударением немножественных форм потерял *i* (в ряде эстонских диалектов дифтонг

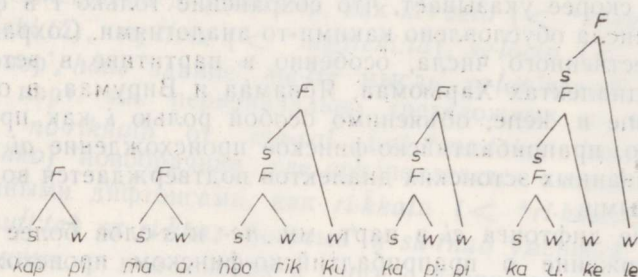
в последнем случае сохранился), никак не означает, что в формах парт. мн. (и в других формах мн. ч.) **ai* (**äi*) вообще не могли в слогах с второстепенным ударением сохраниться. Наоборот, то что **ai* и **äi* в слогах с второстепенным ударением сохранились во многих прибалтийско-финских диалектах, в том числе финских, именно вне форм множественного числа, скорее указывает, что сохранение только *i* в формах множественного числа обусловлено какими-то аналогиями. Сохранение *i* в формах множественного числа, особенно в партитиве в эстонском языке, точнее в диалектах Харьюмаа, Ярвамаа и Вирумаа, в отличие от суффиксов *-lane* и *-kene*, объяснимо особой ролью *i* как признака мн. ч. Кроме того, праприбалтийско-финское происхождение *ai* в формах парт. мн. названных эстонских диалектов подтверждается водскими и вепскими данными.

Происхождение дифтонга *ei* в парт. мн. *ne-* и *s-*слов более затемненное. Предположение о праприбалтийско-финском происхождении его, хотя может быть и верно, натянуто. *ne-* и *s-*слова имеют и согласные основы в парт. ед. и ген. мн., ср. *ve-nelas* [t : *ve-nela:š*] [te, *va-res*] [t : *va-res*] [te, *te-is*] [t : *te-iš*] [te от *ve-nela:ne* 'русский', *va-res* 'ворона', *te-ine* 'другой', а в таких случаях, как *ü-s* 'новый': ген. ед. *ü.e*; парт. ед. *ü.t*: парт. мн. *ü.si*, проще выводить форму парт. мн. из согласной основы, чем из гласной основы генитива, ср. **ü.si* (< **ü-ti*) : **ü-ien* (< **ü-te* [n]) : **ü-tta* (< **ü-t* [ta]) : **ü.si.a* (< **üsita* << **üt* [i] [ta]). Можно, в принципе, предположить, что **ei* > **i* в безударном слоге. В некоторых случаях такой переход действительно имел место, притом сравнительно недавно. В данном случае такое общее предположение не целесообразно уже потому, что если даже переход **ei* > **i* здесь произошел, то раньше общеприбалтийско-финского перехода **ti* > **si*, а из-за наличия более поздних **ti*, в которых **t* не ассимилировался, даже переход **ti* > **si* слишком глубокий для обычных реконструкций. Но так как возможно и примыкание *i* к гласной основе, во множественном числе *ne-* и *s-*слов и других возможных согласных основ вообще следует избегать слишком глубоких реконструкций. В слогах с второстепенным ударением *ne-* и *s-*слов, следовательно, необходимо оставить традиционную реконструкцию. Возникновение дифтонга *ei* в северноэстонских трехсложных формах множественного числа, однако, скорее может быть обусловлено притяжением первоначально трехсложных *a-*основ, чем стяженных дифтонгов, причем оно, вероятно, состоялось еще до апокопы и синкопы.

2. Трактовка Принса весьма интересна по замыслу: предполагается возможность формулирования крайне ограниченного числа простых общих правил, позволяющих построить метрические деревья, которые правильно описывают присваивание ударений и связанных с ними явлений слоговым цепям любого конкретного языка. Конкретной целью статьи Принса является выработка способа присвоения Q3 при помощи метрических деревьев.

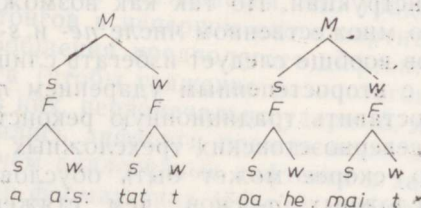
2.1. Изложение формальной аппаратуры Принсом многословно и недостаточно аккуратно. Наверно, его идею можно кратко передать так: допустим, что любая стопочная структура F разветвляется, т. е. имеет бинарную метрическую структуру [s w], где s — сильная и w — слабая метрические единицы. s и w могут разветвляться дальше при условии, что стопа не содержит более трех слогов. Метрические единицы s и w, составляющие рифмы слога, называются морями. (Слог делится на начало (англ. onset) и рифму (rime), причем начало состоит только из начальных согласных слога, а рифма начинается с первого гласного слога.) Слог в эстонском языке имеет Q3, если он представляет собой стопу. Каждая стопа имеет ударение на начальной стопе s.

Согласно Принсу, в эстонском языке возможны пять типов стопочных структур. Иллюстрируем их примерами Принса в его транскрипции, где двоеточие обозначает удлинение при Q3:

В фонетической транскрипции: *ka-ppi* 'шкаф (ген. ед.)', *mā* 'земля, страна', *nõ-rikku* 'молодица (ген. ед.)', *ka-ppi* 'шкаф (парт. ед.)', *ka-ücele* 'далеко (алл.)'.

Но в словах, где за двухморной стопой следует длинный слог, и тот всегда образует стопу, так как Принс вслед за Хинтом полагает, что длинный слог в этой позиции обязательно ударный (о действительном положении вещей см. 1.1), ср. следующие деревья, где М — слово:

В фонетической транскрипции: *â-stat* 'год (парт. ед.)', *pa-hemait* 'более плохой (парт. мн.)'.

2.2. Из последних примеров явствует, что в трактовке Принса очень и даже слишком большое значение приобретает количество фонем в конечном слоге: в последних примерах одна фонема /t/ образует мору. В то же время начало слога, хотя и выделяется определением слога, совершенное ничто: «слоговая структура вне рифмы просто невидима для просодических правил, хотя и наличествует» (Prince 1980 : 526). Однако Принс считает также, что «последняя согласная эстонского слова присоединяется извне рифмы, где она просодически инертна» (Prince 1980 : 531). Это противоречит двум приведенным последними деревьям, но явно вызвано существованием таких слов, как *â-stad* 'годы', где *d* репрезентирует в любом случае одну фонему, а второй слог безусловно является кратким. Может быть, последние два дерева Принса некорректны в том смысле, что последняя /t/ должна стоять вне рифмы, а последние слоги разветвляются в моры соответственно (t)a-t(t), (m)a-i(t). В любом случае для трактовки Принса существенно, чтобы долгие и полудолгие конечные согласные (ср. *t̃* в *â-stat̃*)

и длинные гласные в слогах в Q3 (ср. *ā* в *ā-sta!*) интерпретировались как сочетания.

Хотя транскрипция Принсом долгих и полудолгих конечных согласных и длинных гласных не оригинальна, уже Я. Каплински (Kaplinski 1968 : 41) аргументировал целесообразность интерпретации длинных гласных отдельными фонемами, а не сочетаниями (см. также Вийтсо 1979а : 8—10), а И. Лехисте (Lehiste 1970 : 45) указала, что там, где встречается противопоставление длинных и кратких согласных либо в конце слова, как в эстонском и венгерском языках, либо в начале слова, как в кельтских, интерпретация длинных согласных как геминат неубедительна. Втором детально продемонстрирована несостоятельность различных фонологических решений консонантизма (Вийтсо 1979а : 12—15).

Вообще в литературном языке конкурируют две фонологические интерпретации с системами согласных фонем соответственно:

А.	/ z ž ž̄	f s ś š	
	b d d̄ g	p t t̄ k	
	m n n̄		
	l l̄		
	r		
	v j h		
Б.	/ f s ś š	f̄ s̄ ś̄ š̄	
	p t t̄ k	p̄ t̄ t̄̄ k̄	
	m n n̄	m̄ n̄ n̄̄	
	l l̄	l̄ l̄̄	
	r	r̄	
	v j h	v̄ h̄ /	

Система гласных фонем в принципе общая:

/ i ü õ u ī ū ō ū		/ i ü u ī ū
e ö o ē õ ō	или	e õ õ o ē õ õ ō
ä a ā a /		ä a ā ā /

Общим является также противопоставление легкого /' / и тяжелого /' / акцентов, причём последний вызывает Q3. У части говорящих от тяжелого акцента отделяется сверхтяжелый акцент /'' /, особенно при интерпретации Б. При интерпретации А согласные и гласные фонемы распадаются на слабые и сильные, при интерпретации Б — на короткие и длинные. Об интерпретации А см. подробнее Вийтсо 1979а : 2—6, 10—16, об интерпретации Б — Vihman 1974; Вийтсо 1979б : 148—150. Проблема фонологической сущности гласных, обозначаемых *e*, *ē*, *ē̄*, *ē̄̄*, не имеет здесь значения. Заметим лишь, что такое обозначение обычно, если не всегда, не соответствует действительности: «*ē̄*» нормально *ī̄*, т. е. нелабиальный задний гласный, парный лабиальному гласному *u*. Но исторически он прежде всего задний парный переднему гласному *e*, поэтому следует допустить, что при каком-то произношении *e* может представлять фонетическую реальность.

Несовместимость интерпретаций А и Б с метрической трактовкой Принса явно обусловлена несостоятельностью последней. В этом отношении показательны и даже доказательны данные кодавереского говора, где бывшим **ē̄*, **ō̄*, **ō̄̄* соответствуют в Q2 (т. е. в одноморных

рифмах) дифтонги *iä, ua, üä*, а в Q3 (т. е. в двухморных рифмах) монофтонги *ī, ū, ŷ* (ср. Kettunen 1912 : 40—44), напр. *līm* 'суп' : ген. ед. *liätè, rūp* 'кочерга' : ген. ед. *ruavi*.

Очевидно, основным, притом принципиальным промахом Принса является отождествление конечных вершин метрических деревьев с рифмами слогов или даже с частями рифм под общим названием мор. Между метрическими деревьями и слоговыми цепями имеет место только соответствие, но материально они не пересекаются. Примерно такого же мнения придерживается Р. Т. Хармс, который в своей метрической трактовке ударения арабского языка Каира объявляет, что ничего не следует утверждать о внутренней структуре слогов, хотя целые слоги и приводятся в соответствие с одной или двумя морами (Harms 1981 : 437).

Можно считать спорной даже надобность мор как конечных вершин метрических деревьев, по крайней мере при формулировании метрических гипотез для эстонского языка. То, что слог в Q3 может образовывать стопу, т. е. служить самостоятельным словом или предшествовать ударному слогу, объяснимо его исключительными свойствами, а не двухморностью. Таким свойством можно считать фонологический тяжелый акцент, который позицией никак не может быть присвоен, но зато может быть ею стерт, ср. *[m`õisnikliik]* 'помещичий', где второй и третий слоги образованы суффиксами, лишившимися тяжелого акцента.

Итак, метрический подход только открыл новые перспективы, но пока не имеет надежного обоснования и в применении к эстонскому языку даже реальных результатов.

3. Выше выяснено, что утверждения о том, что эстонский язык является моросчитающим или находится на стадии перехода от моросчитающего к слогосчитающему, лишены основания. Теперь остается проверить утверждение Хинта о том, что эстонский язык был моросчитающим во время апокопы и синкопы.

Апокопа произошла в открытом конечном слоге, а) если ему предшествовал длинный начальный слог, или б) если в слове было три или более слогов. Синкопа произошла в открытом втором слоге, если ему предшествовал длинный начальный слог. Притом апокопа и синкопа не были всеобщими — имеются исключения, причем их типы зависят от конкретного диалекта. М. Хинт считает апокопу и синкопу хотя бы частично параллельными во времени, но и удивляется, почему апокопа и синкопа не были параллельными дальше второго слога в слове: «напр. *kõnelema* могло бы дать *kõnelma*» (Hint 1980 : 217).

Хотя апокопа и синкопа относятся приблизительно к XIII веку и в ареале эстонского языка могли происходить параллельно, они структурно ничуть не произошли одновременно. В северноэстонском синкопа произошла позже апокопы. Поэтому мы имеем в ном. ед. *vaher* (< **vah-ter* < **vahter* < **vahtera*) 'клен', а не **vahtra*. И то, что синкопа не произошла в третьем слоге, связано с тем, что третий слог в четырехсложных и более длинных словах часто является ударным (правда, нельзя и ожидать, что (несверноэстонский!) глагол *kõnelema* дал бы *kõnelma* в северноэстонском). Возможно, что ударение было частично морфологически обусловленным уже в праприбалтийско-финском, ср. эст. *ra·velemi:ne* (<< **ra-pelemi:nen*) 'барахтание', северновепс. *kä·velemi:ne* (<< **kä-velemi:nen*) 'хождение', частично автоматическим, ср. эст. *ra·vele:ma* (<< **ra-pele:mahan*) 'барахтаться', северновепс. *kä·vele:mha* (<< **kä-vele:mähän*) 'ходить'. Если предположение об автоматическом ударении в эст. *ra·vele:ma* (<< **ra-pele:mahan*) верно — впрочем, пока никто не утверждал обратного, и если эстонский язык во время происхождения синкопы был моросчитающим, то во втором слоге за длинным на-

чальным слогом, напр. в *e-mblema* 'шить', *va-htra* 'клен (ген. ед.)', синкопа вообще не должна была произойти: если в **ra-pele:mahan* и т. д. нормальный речевой такт двухморный, то второй слог за длинным начальным, т. е. двухморным слогом должен был иметь второстепенное ударение, напр. **o-mpe:lema:han* **va-hte:ran*, а предположение синкопы слогоносителя в ударном слоге явно абсурдно.

4. В свете вышеизложенного заявления о моросчитающем характере эстонского языка в настоящее время или в прошлом лишены реального основания.

Вместе с тем два варианта теории моры оказываются некорректными. М. Хинт прямо прибегал к «классификации просодических систем Трубецкого», чтобы объяснить реальные изменения в эстонском языке. Ведь Трубецкой первым противопоставил моросчитающие и слогосчитающие языки, и отнес эстонский язык к моросчитающим (Trubetzkoy 1939 : 170—179). Хинт считал его обоснования достаточными (Hint 1980 : 216). Но во взглядах Трубецкого на слог и мору кроется противоречие: реальные, точнее, материальные слоги читаются в слове, а абстрактные моры — в слогах. (Впрочем, К. Оямаа (Ojamaa 1976 : 45) нашел, что в терминах Трубецкого различие Q1 и не-Q1 является различием монофонематических и полифонематических единиц, что делает эстонский язык моросчитающим, на основе различия Q3 и не-Q3 эстонский язык является слогосчитающим, где оппозиция краткий : длинный присванывается целым слогом; притом сам Трубецкой не предполагал, что такие два типа оппозиции как гемината : одиночная фонема и длинный : короткий слог могут сосуществовать в одном языке.) В метрическом подходе Принса противоречие Трубецкого формально устранено путем выявления мор материальными частями слога. Но тогда для существования двух мор в слоге он должен сперва делиться на фонемы и только потом на фонемы вне мор и моры. Это значит, что противоречие в латентном виде сохраняется. То, что Принс случайно (?) пользовался не достаточно корректными данными, не меняет положения. В метрическом подходе Хармса противоречие Трубецкого устраняется путем полной автономизации мор по отношению к слогам. Хотя подход Хармса кажется вполне оправданным, не известно, необходимо ли применение его подхода при объяснении фактов эстонского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Вийтсо Т.-Р. 1979а, Проблемы количества в эстонском языке. — СФУ XV, 1—16.
 — 1979б, Проблемы ударения в эстонском языке. — СФУ XV, 136—152.
 Еек, А. 1975, Observations on the Duration of Some Word Structures: II. — Estonian Papers in Phonetics, Tallinn, 7—55.
 Harms, R. T. 1981, A Backwards Metrical Approach to Cairo Arabic Stress. — Linguistic Analysis, 429—450.
 Hint, M. 1973, Eesti keele sõnafonoloogia I. Rõhusüsteemi fonoloogia ja morfofonoloogia põhiprobleemid. Tallinn.
 — 1978, Changes in the Prosodical System of Contemporary Estonian. — Estonian Papers in Phonetics, Tallinn, 39—43.
 — 1980, Minevikuline ja tulevikuline aines keelesüsteemis. Prosoodiatüübi nihked ja selle tagajärjed. — Keel ja Kirjandus XXIII, 215—223, 271—278, 349—355.
 Kaplinski, J. 1968, Märkusi eesti keele foneemtranskriptsioonist. — ESA 13, 37—45.
 Kask, A. 1972, Eesti keele ajalooline grammatika. Häälkulgugu, Tartu.
 Kettunen, L. 1912, Lautgeschichtliche Untersuchung über den kodaferschen Dialekt. II. Vokalismus. Akademische Abhandlung, Helsinki (MSFOu XXXIII 1913).
 — 1962, Eestin kielen äännehistoria, Helsinki (SKST 156).
 Laanest, A. 1975, Sissejuhatus läänemeresoome keeltesse, Tallinn.
 Lehiste, I. 1970, Suprasegmentals, Cambridge, Massachusetts, and London, England.
 Liberman, M., Prince, A. 1977, On Stress and Linguistic Rhythm. — Linguistic Inquiry 8, 249—336.

- Ojamaa, K. 1976, Temporal Aspects of Phonological Quantity in Estonian. A Dissertation Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy at The University of Connecticut. (MS)
- Prince, A. S. 1980, A Metrical Theory for Estonian Quantity. — *Linguistic Inquiry* 11, 511—562.
- Rätsep, H. 1977, Eesti keele ajalooline morfoloogia I, Tartu.
- 1979, Eesti keele ajalooline morfoloogia II, Tartu.
- Vihman, E. 1974, Estonian Quantity Re-viewed. Ilse Lehiste, Consonant Quantity and Phonological Units in Estonian, Indiana Univ. Publ., Uralic and Altaic Series 65; Bloomington, Indiana, and Mouton, The Hague, 1966. — *Foundations of Language* 11, 415—432.
- Viits, T.-R. 1975, Mati Hint, Eesti keele sõnafonoloogia I. Rõhusüsteemi fonoloogia ja morfofonoloogia põhiprobleemid. — *СФУ* XI, 216—222.
- 1981, Läänemeresoome fonoloogia küsimusi, Tallinn.

TIIT-REIN VIITSO (Tallinn)

IS ESTONIAN A MORA-COUNTING LANGUAGE?

Lately Mati Hint (1978, 1980) and Alan S. Prince (1979) have tried to demonstrate that the Estonian quantity 3 (the overlong quantity) is or at least was equal to two moras.

Here all Hint's arguments for the mora-counting nature of certain traditional paradigms, in contrast to innovational ones, are proved to be erroneous. Prince's approach explaining quantity 3 as being conditioned by the structure of metric trees is based on incorrect data and unjustified theoretical premises.

Hint claims that syncope and apocope took place partially simultaneously when preceded by at least two moras (approximately in the 13th century). Actually, apocope occurred first and both apocope and syncope occurred in unstressed syllables when not preceded by a short primary-stressed syllable. Stresses were partially morphologically, partially rhythmically conditioned.